М. В. Рейли M. V. Reyli
(Санкт-Петербург) (Saint Petersburg)

**Образ скомороха
в научном
и литературном
творчестве
А. А. Горелова** **The Figure
of Skomorokh
in Scientific
and Literary Works
of A. A. Gorelov**

Аннотация

Статья посвящена образу скомороха в научном и литературном творчестве известного ученого, фольклориста, литературоведа и поэта, Александра Александровича Горелова. Более 20 лет своей научной деятельности он посвятил изучению одного из древнейших памятников русской народной культуры — Сборника Кириши Данилова «Древние русские стихотворения», и попытке установить автора сборника, коим оказался «певец-грамотей... со скоморошьей биографией, ...записавший свой репертуар...». Позже эта работа вдохновила А. А. Горелова на создание поэмы «Скоморохи»...

Ключевые слова: скоморох, былина, поэтика

Abstract

This article addresses the image of skomorokh in scientific and literary works of the famous scientist, folklorist, literary critic and poet, A. A. Gorelov, who dedicated more than 20 years of his scientific practice to researching one of the most ancient records of Russian folk culture — Kirsha Danilov's Collection "Ancient Russian Poems", and attempting to specify it's author, who turned out to be the singer with skomorokh's biography, writing down his own repertoire. Later this work inspired A. A. Gorelov on writing a poem "Skomorokhi"...

Keywords: skomorokh, bylina, poetics

DOI: 10.31860/0136-7447-2018-36-24-36

Интерес к «скоморошьей» теме появился у А. А. Горелова еще в 50-е гг. Возник он в связи с изучением одного из древнейших памятников народной культуры — Сборника Кириши Данилова «Древние русские стихотворения», впервые опубликованного в Москве в 1804 г., и попытками установить автора сборника. Первая его статья на эту тему, «О датировке оригинала сборника Кириши Данилова», появляется в 1958 году¹. С этого момента обозначается главная тема его исследований как ученого-фольклориста, а сам сборник становится для него «спутником жизни»². А. А. Горелов публикует около двадцати исследовательских работ на эту тему.

¹ Горелов А. А. О датировке оригинала сборника Кириши Данилова // Вестник Ленингр. гос. ун-та. 1958. № 20. Серия ист., яз. и лит.-ры. Вып. 4. С. 104–118.

² Горелов А. А. В поисках легендарного Кириши Данилова: Книга пути: В 2 ч. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Тропа Троянова, 2011. Ч. 1. С. 8.

В своем предисловии к современному изданию «Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым» А. А. Горелов пишет: «Судьба этой книги удивительна. Ее власть над сердцами безраздельна. Происхождение ее — тайна. Автор — столько же известен, сколь неведом...»³. Попытке приподнять завесу над тайной Сборника и его автора посвящены десятилетия исследовательской деятельности А. А. Горелова. Он пишет ряд статей⁴, в которых последовательно и методично выстраивает доказательства «скоморошьего» происхождения Сборника, авторства Кирши Данилова; проводит глубокий текстологический и исторический анализ текстов этого уникального памятника русской культуры.

В статье «Кем был автор сборника “Древние российские стихотворения”» он дает краткую характеристику скоморошества, подытоживая все, что было сказано о нем предшественниками: «Скоморошество — яркое, цветастое и пестрое явление. Певцы, гудочники, скрипотчики, циркачи, актеры-скитальцы, ярмарочные завсегдатаи, забавлявшие чернь по торжкам и в кабаках, зазывавшиеся не только на мужицкие праздники, но и в высокие хоромы боярина, “гостя” и даже на кремлевское подворье; выразители крестьянской боли и неумирающего народного юмора и вместе с тем шуты, потрафлявшие вкусам господ; “всем скорбям знатоки”, маскировавшие показной глупостью острый пристальный ум и горькие, спившиеся пустомели; искушенные глумцы, как бы невзначай пропускавшие в потоке скоромных песен песню политическую, запретную; простонародные философы, кощунники, возбудители классового протеста, не дававшие дремать мысли крестьянина; конокрады, не брезгавшие ни ночным, ни дневным разбоем, и свадебные дружки, знахари, лекари хлеба насущного ради — такими рисуют скоморохов исторические, литературные и фольклорные памятники»⁵. Именно в этой среде Александр Александрович видит огромный творческий и жизненный потенциал, выражающийся в насмешливо-бунтарском, вольнолюбивом и одновременно жизнеутверждающем духе. Помимо признания высоких профессиональных качеств скоморохов как хранителей традиционных обрядовых действий, создателей и исполнителей эпических произведений, А. А. Горелова более всего они привлекают, как «необузданная,

³ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Под ред. А. А. Горелова. СПб.: Тропа Троянова, 2000. С. 4.

⁴ Горелов А. А. Трилогия о Ермаке из сборника Кирши Данилова (полемиические заметки) // Русский фольклор. Т. 6. СПб., 1961. С. 344–376; Горелов А. А. Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения» // Русский фольклор. Т. 7. СПб., 1962. С. 293–312; Горелов А. А. Диффузия элементов устнопоэтической техники в Сборнике Кирши Данилова // Русский фольклор. Т. 14. СПб., 1974. С. 166–201; Горелов А. А. Кирша Данилов — реальное историческое лицо // Русский фольклор. Т. 28. СПб., 1995. С. 97–110 и др.

⁵ Горелов А. А. Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения» // Русский фольклор. Т. 7. Л., 1962. С. 304.

свободомыслящая стихия феодального мира»⁶. Ему импонирует именно их социальная природа, лучше всего о которой, по его словам, говорит «жестокая расправа с ними феодально-крепостнического государства после 1648 г., вслед за указами “тишайшего” Алексея Михайловича»⁷. А. А. Горелов подчеркивает, что основные источники о скоморохах, которыми мы располагаем, «вышли из среды карателей скоморошества». Они компрометируют облик носителей вольного, нерегламентированного народного искусства. «Порча народной нравственности, — пишет он, — излюбленное обвинение крепостников духа против инакомыслящих. Иного отцам церкви (и московским государям) не оставалось: скоморохи лишали их паствы, которая, неохотно давая на церковь, “с радостью” выносила “сребряницу” скоморохам»⁸. Но он добавляет, что, вопреки всем преследованиям и репрессиям, «скоморохи были неистребимы, живучи, как сам народный юмор»⁹.

А. А. Горелову близка позиция А. А. Морозова, что скоморохи были «своего рода художественной интеллигенцией феодальной Руси» и были причастны «к высокому эпическому искусству». Он убедительно доказывает, что «оригинал Сборника Кириши Данилова... был написан рукой певца-грамотея, <...>, певца со *скоморошьей биографией*, записавшего свой репертуар, певца-книжника...»¹⁰. Само возникновение оригинала Сборника Кириши Данилова на Урале в петровскую эпоху А. А. Горелов связывает с поздними скоморохами — «скоморохами-последышами»¹¹. Он доказывает, что в Сборнике целый ряд песен может быть отнесен к «скоморошинам» или может принадлежать к тем жанрам фольклора, которые «культивировались скоморохами»¹², и оговаривает скоморошьи мотивы в текстах, к которым относятся, например, переодевания в калыче и др. платья — т. е. ряженье, а также ряд художественных и исполнительских особенностей, указывающих на скоморошье происхождение текстов, очерчивая тем самым круг скоморошьего репертуара.

Завершает многолетний исследовательский труд ученого полное факсимильное двухтомное издание 2011 года с символическим названием «В поисках легендарного Кириши Данилова: Книга пути»¹³, в котором А. А. Горелов обобщает все собранные им в предыдущих работах данные и факты о личности

⁶ Горелов А. А. Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения». С. 304.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 305.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 304.

¹¹ Там же. С. 308. Версию о том, что хранителями оригинала были скоморохи 60-х годов XVIII в., подтверждает, по его мнению, известное письмо Прокофия Демидова Г. Ф. Миллеру, где тот пишет, что «Сибирские люди», «разумные дураки <...> которые прошедшую историю поют на голосу». — Там же.

¹² Там же.

¹³ Горелов А. А. В поисках легендарного Кириши Данилова: Книга пути: В 2 ч. СПб., 2011. Ч. 1. — 274 с. Ч. 2. — 445 с.

Кирши и его Сборнике, и пишет, что «Кирша Данилов нес в себе огромный запас былинной эпики и историко-песенных сюжетов, предлагавших народную трактовку событий русской истории»¹⁴. На основе многообразных данных он характеризует его как одного из лучших представителей скоморошьей профессии, говоря о нем, как о личности «из категории профессионалов — “весёлых”». И далее пишет: «В XVI–XVII веках “весёлые-скоморохи” — особливый, суверенный клан совместно проживающих и совместно же, ватагами, мигрирующих бродяг-актеров, “людей вежливых, очестливых”, — носителей-знатоков любимой народом, общезначащей культуры развлечений и многообразных праздничных ритуалов. Тогдашние скоморохи — вернейшие наследователи и хранители традиционных искусств, маги-вершители этапных в жизни человека обрядов, блюстители канонов, обязательных для общины»¹⁵. Здесь же он упоминает и о сакральных функциях скомороха, которые «диктовались необходимостью отправления старинной аграрной обрядности, которую не могла обеспечить церковь», объединяя в этом делании «волхва и скомороха»¹⁶.

Подводя итог и отвечая на вопрос о соотносительности творчества скоморохов и национального фольклора, А. А. Горелов пишет, что «поприще скомороха-профессионала находилось внутри фольклорного поля и отличалось интенсивностью культивирования, гибкостью усвоения того общезначимого, что заимствовалось скоморохом из сокровищницы общенародного». Он подчеркивает «синтезирующую роль скоморошества как института и фактора народной культуры»¹⁷.

¹⁴ Горелов А. А. В поисках легендарного Кирши Данилова. Книга пути. Ч. 1. С. 151.

¹⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2000. С. 28.

¹⁶ Горелов А. А. В поисках легендарного Кирши Данилова. Книга пути. Ч. 1. С. 154. Там же Горелов напоминает, что «скоморохи отнюдь не подлежали за свое ремесло отлучению от церкви и, во всяком случае, до царствования Алексея Михайловича являлись обычными прихожанами».

¹⁷ Горелов А. А. В поисках легендарного Кирши Данилова. Книга пути. Ч. 1. С. 155. Здесь исследования А. А. Горелова созвучны работам других ученых. Так, тему русского скоморошества как феномена *русской смеховой культуры* наиболее глубоко проанализировал А. М. Панченко в работе «Русская культура в канун петровских реформ» (1984). Проблема *социального положения* скоморохов в период XV–XVII вв. освещалась в работах А. А. Белкина «Социальное положение скоморохов к концу XV — первой половине XVI в.» (1975), В. И. Петухова «Сведения о скоморохах в писцовых и таможенных книгах XVI–XVII вв.» (1961), А. А. Зимина «Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI в.» (1959), В. В. Кошелева «В церкви образа, а в келье гудочник» (1990), А. А. Морозова «К вопросу об исторической роли и значении скоморохов» (1976). Проблема *взаимоотношений скоморохов с Православной церковью* нашла отражение в трудах: А. М. Панченко «Русская культура в канун петровских реформ» (1984) и «Роль скоморохов в культуре Древней Руси» (1983); Н. С. Сергиной «Сведения о музыкальном быте средневековой Руси по чину исповедания из рукописной книги “Требник”» (1994); Л. С. Шентаева «Русское скоморошество в XVII в.» (1949); А. Баканурского «Государь, вели извести

Еще одно ответвление «скоморошья» темы в рамках научной деятельности А. А. Горелова пересекается с творчеством Н. С. Лескова в связи с работой над монографией «Н. С. Лесков и народная культура».

Речь идет об одной из «византийских легенд», в основу которых был положен ряд сюжетов из древнерусского «Прблага» — литературного сборника, воспринимавшегося писателем как книга «отреченная», которые ходили в народе, не отделяясь «от священного писания»¹⁸, — «Скоморох Памфалон»¹⁹, которую А. А. Горелов называет «одной из самых замечательных легенд Лескова». Другой возможный источник сюжета — народная легенда о Вавиле-скоморохе, встречавшаяся в век Лескова в географическом диапазоне Среднее Поволжье — Пинега (напр.: Садовников, № 98²⁰), возникающая под влиянием легенды Прблага «О скоморасе, спасшемся с двема женами». В народной легенде Вавило живет с двумя сестрами, которых кормит своим трудом. Здесь он угождает Богу тем, что, будучи скоморохом, становится тайным подвижником: спит на гвоздях, носит сапоги с гвоздями. Старец не может перенести «труд скомороха» и посрамленный уходит, а Вавило спасается, оставаясь в миру и продолжая заниматься скоморошеством. Этот сюжет раскрывает еще одну грань народного восприятия скоморошья деятельности как социально активной и даже подвижнической.

Оценивая то, как Лесков использует традиционный житийный сюжет, А. А. Горелов пишет, что легенда «Скоморох Памфалон» «отрицает за человеком право на эгоистическое душеспасение (уход в пустыню или другое самоисключение из общественной жизни и борьбы). ...Нет, — пишет А. А. Горелов далее, — человек должен жить в этом греховном мире, *расточая себя в делах ради людей и обретая*

их» (1985); Е. П. Фрэнсис «Скоморохи и церковь» (2007) и др. Проблема исчезновения скоморошества как социального института была рассмотрена в книгах А. А. Морозова «Скоморохи на севере» (1946), «М. Д. Кривополенова и наследие скоморохов» (1950), «К вопросу об исторической роли и значении скоморохов» (1976) и А. А. Белкина «Русские скоморохи» (1975). Одним из аспектов рассмотрения темы скоморошества является *соотнесение* большого пласта *русского фольклора с произведениями скоморохов*, что было отмечено в работах И. Д. Беляева «О скоморохах» (1854), А. С. Фаминцына «Скоморохи на Руси» (1889), В. Ф. Миллера «Русская былина, ее слагатели и исполнители» (2015), Д. С. Лихачева «Возможный случай скрытой полемики фольклорного произведения с книжным» (1959), Л. М. Ивлевой «Скоморошины: общие проблемы изучения» (1972), А. Ф. Белоусова «Отражение мифопоэтических представлений о певце/поэте в былинах о Вавиле и скоморохах» (1982), В. Н. Топорова «К интерпретации быliny “Путешествие Вавилы со скоморохами”: мифологические истоки и историческая подкладка» (1984) и др. Весомый вклад в исследование скоморошества внесла исследовательница З. И. Власова своей работой «Скоморохи и фольклор» (2001) и сборником документов под ее редакцией «Скоморохи в памятниках письменности» (2007).

¹⁸ Тихонравов Н. С. Соч. Т. 1. Древняя русская литература. М., 1898. С. 155.

¹⁹ Лесков Н. С. Скоморох Памфалон. Собр. соч. Т. 8. С. 174–231.

²⁰ Сказки и предания Самарского края / Собр. и зап. Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884. (Зап. РГО по Отд. этнографии. Т. 12).

себя в творчестве добра, но не помышляя о вечности. Только тогда вечность придет к тебе — непроизвольно, как она пришла к *альтруисту-пересмешнику, плясуну-скомороху, осуждаемому церковью*»²¹. Легенда «Скоморох Памфалон», по словам Горелова, оказалась «объективно укорененной в мощном почвенном слое демократической культуры, не сводимой только к текстам Пролога»²².

Таким образом, в своих научных изысканиях А. А. Горелов характеризует скоморохов как активно действующую силу, имеющую укорененность в древних аграрных ритуалах и культах, и обладающую жреческими полномочиями и обязанностями, со временем превратившуюся в социальную прослойку профессиональной *художественной интеллигенции*, хранящую историю и развивающую культурное фольклорное наследие Руси, «*необузданную, свободомыслящую стихию*».

То, как А. А. Горелов пишет о скоморохах и скоморошестве, много говорит нам о жизненной позиции самого Александра Александровича. Своего эмоционального апогея отношение А. А. Горелова к скоморохам достигает в его лирике. Не случайно первой поэтической публикацией ученого-поэта становится поэма «Скоморохи», написанная еще в 1960–1968 гг., но увидевшая свет только в 1989 г. в журнале «Звезда»²³. В ней используется аллегорический художественный язык, которым поэт говорит о современности, используя вечно актуальные и вечно повторяющиеся сюжеты прошлого. Это объясняет, почему прошли годы, прежде чем поэма была опубликована.

Текст поэмы говорит сам за себя, ее символы прозрачны. Поэма делится автором на 19 незаглавленных разделов, связанных между собой внутренней идеей противопоставления архетипических образов Смерти–Неволи–Страх (Власть) — Жизни–Воли–Смеха (Скоморошество). В семантике фольклорной составляющей поэмы явно прослеживается внутренняя связь с известной работой В. Я. Проппа «Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне)»²⁴.

Рублеными, короткими фразами и словами дается образ Москвы–завоевательницы–тирана, в которой царят холод, кровь, мрак, страх, смерть: «*Над Москвой индевеет закат... / Красное... / Сизое... / Мерклое... / Страх / реет на мертвых ночных крылах*»²⁵. Москва в поэме — символ «Чёрной Руси», Руси

²¹ Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л., 1988. С. 275–276.

²² Хотя «фольклорный дух очевиднее сквозил в первом заглавии легенды — “Боголюбский скоморох”. Но когда один из духовных цензоров, архимандрит Тихон, написал, что “название <...> не может быть одобрено уже по самому сочетанию слов”, и поставил условием публикации изменение заглавия, автор был вынужден пойти на уступку» (там же, с. 276).

²³ Горелов А. А. Скоморохи: поэма // Звезда. 1989. № 8. С. 3–12.

²⁴ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). (Собрание трудов В. Я. Проппа) / Науч. ред., коммент. Ю. С. Рассказова. М., 1999. 288 с.

²⁵ Там же. С. 5–6.

опричной, во главе которой стоит собирательно-символический, фольклорный по своей природе, образ царя Несмеяна. «Запрещено смеяться в царстве смерти», — писал В.Я. Пропп²⁶. И гибнет Великий Новгород, гибнет сам дух новгородской вольности: *«Царь сломил хребёт Новгородчине — / гордой дедине, вздорной вотчине... / Се опричное время: на чёрном коне / едет царь Несмеян по угрюмой стране / И собачья глава, и метла при седле — / едет князь-государь по немилой земле...»*²⁷.

Вдруг по этому стылому царству, по «чёрной Руси» проносится вольный ветер — это нарастающей тьме и страху противостоит исконная, древняя, стихийная сила — русские скоморохи, их появление сравнивается с всепроникающими природными стихиями — ветром, вихрем, пургой, огнем: *«Кто живёт на Руси без тревог? / Кто бежит по Руси без дорог? / Кто поёт-припевает, насвистывает, / Сквозь заставы-облавы прорывает? / <...> Он не тать, не вор, / А на плутню скор: / Хоть пожар раздуть, / Хоть подол загнуть!.. / Он бездельник, и он при деле: / Где пылит, где пшеницу мелет, / Где листву кружит, / Где пургой пуржит... / Пустяком обегая землю, / Он не попусту рыщет — внемля: / Он молве гонец, / Он вестям отец, — / Ловит вздор-невздор, / Всякий разговор. / <...> И пошло стороной немой, / <...> словно воли забытой вздох: / — С к о м о р о х! / В Новгородчине цел с к о м о р о х!.. / <...> Ходит-крутится ветерок. / Красный катится уголёк»*²⁸.

Возникает идеальный образ «золотого Скоморошьего, новгородского села», единственного места, где царят радость, веселье, воля, сама Жизнь, где все делают добротой и ладно — и хлеб растят, и детей рожают, все происходит в согласии с древними традиционными устоями: *«Небывальщина! Ей-Боже! / Отчего ж душе тепло?.. / Есть на свете Скоморошье — / развесёлое село! / Там и свадьбы чином правят, / не жалеют — лапти бьют, / и опричину бесславят, / и скоромное поют. / Там земля пироги родит, / Из зерна каравай глядит. / Табуны там пасут в овсах, / зайцы в руки идут в кустах. / Там рубахи из маков шьют, / опояски из радуг вьют, / а из тучи не дождь дождит — / золочёная нить бежит. / Девки пряжу мотают впрок, / припасают к венцу клубок. / Бабы веселы, / ладят песенки: / — Рожу тебе сына, / как белого сыра! / Рожу тебе дочку, / как белого груздочка! / Мужичок живёт-жирует, / сам он царь, и сам он Бог, / то есть впрямь ему волхвует / пересмешник-скоморох. / Золотое Скоморошье, / новгородское село — / Несмеянова оплошка — / на Руси одно светло!»*²⁹

Смех становится средством умножения плодородия и урожая³⁰.

²⁶ Там же. С. 230.

²⁷ Горелов А.А. Скоморохи: поэма. СПб., 2004. С. 7–9.

²⁸ Там же. С. 10–12.

²⁹ Там же. С. 13–15.

³⁰ См.: Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). С. 242–243.

Образ заветного села сменяется картиной ярмарки, разгулья, безудержного веселья. Скоморохи появляются на торгу, как стихийная огненная сила, как вольные птицы. Яркие красочные мазки слов: *«И под крики, охи, ахи / в торги врезались возки: / кумачовые рубахи / да лазоревы портки! / И с разгону из подводы — / по народу, будто в воду, — / белозубы, скороноги — / сыпанули скоморохи: / колесом, и кувырком, / и вприсядку, и нырком, / со свирелкой и гудком, / в красной шапке с погремком!.. / ...Скачет шуба шерстью вверх — / вот где смех, вот где грех... / Скоморох узор ногами / будто кружево плетёт, / шапку ловит сапогами, / погремком в подковку бьёт... / И не выдержала площадь, / заходила ходуном: / и не хочешь, а хохочешь / с краснобаем-плясуном! / ...скоморох ступил из ряда / и одёрнул рдян кафтан. / Как крылами, рукавами / заполошно завертел... / Алые сполохи: / скачут скоморохи»*³¹.

Если в царстве смерти прекращается и запрещается всякий смех, то вступление в жизнь сопровождается смехом. Смеху, по словам В. Я. Проппа, «приписывается способность не только сопровождать жизнь, но и вызывать ее»³². Но живой, проникающий в царство мертвых, должен скрывать, что он жив, иначе на него обрушится гнев обитателей этого царства как на нечестивца, переступившего запретный порог. Смеясь здесь, он выдает себя³³. Потому и скоморохи не могут долго оставаться безнаказанными в чёрной, омертвевшей Руси. Всех вольнолюбцев предают Анафеме, ярмарочному веселью противостоят опричники-кромешники, оглашается указ о сведении всех скоморохов под эгиду и контроль Москвы. Как известно, вольная птица в клетке не поет: *«И прочли указ изрядный, / встав на чёрное седло: / "...всех скомрахов — всех весёлых, / что остались по Руси, / что к разбою клонят сёла, / в Матерь-град велим везти. / Будут есть они отныне / с государева стола. / Будут петь они отныне / близко смертного кола. / И егда потрафят песней, / пой тогда её народ... / Будет присно так и вечно / и отнюдь — наоборот". / ...Час напастный: / народишке голому / языка-стую срежут голову»*³⁴.

Вновь возникает образ Москвы во тьме, полонившей всю державу. «Чёрные вершники и ямщики» в телегах везут избитых скоморохов и их музыкальные инструменты; допросы в тайных застенках; весть о предстоящей казни скоморохов; страна во власти страха, хмеля, соглядатаев и доносчиков — Несмеяново «Царство Божие». Параллельно возникает мотив плача иконы Богородицы-Девы по своим детям, по русскому народу, который в царстве теней тоже превращается в тень. Диссонансом ему звучит нарочито балагурный характер стиха, усугубляя трагизм происходящего:

³¹ Горелов А. А. Скоморохи... С. 19–29.

³² Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). С. 231.

³³ См.: Там же. С. 227.

³⁴ Горелов А. А. Скоморохи... С. 32–34.

«За решётку смех нынче прятали, / под кипуч сургуч запечатали. / <...> Катый его, каты, резво! / Пускай рябиновым соком! / Кесареви — кесарево, / скоморохови — скоморохово!.. / ...целовальник приставлен в оба смотреть, / кто скажет не так, / покосится не так... / Тюремный предбанник — царёв кабак! / <...> А иной и уйдёт, / так лихое пройдёт, / и душа станет плоской, как плаха. / И из горького мрака / крылом намахнёт / чёрный ворон российского страха. / <...> “Ой, вы сени, мои сени, — / по России пляшут тени! / Я за тенями пляшу... / а людей не нахожу. / ...Были люди — стали тени... / Сберегите меня, сени!”»³⁵.

Но нельзя уничтожить скоморохов, нельзя уничтожить сам дух народа, как нельзя уничтожить стихию:

«Под замком втрое удали прибыло: / — Перекати-поле, / перекати-Русь, / зубы жми от боли — / смейся, а не трусь! / <...> — Скоморохи-мужики, / кто живой, живи! Теки!»³⁶.

Скоморохи сбегают из застенков в метель, скрываются в Скоморошьем селе, которое исчезает, как легендарный Китеж-град, становится невидимым для чёрных слуг царя. Горит «Русь кабальная», но песня народная остается неуловимой, как и смех, который нельзя поймать, хотя порой этот смех уже больше похож на крик отчаяния:

«Всех хватай!» А всех упрячешь?.. / «Всех!» Да чем же их вязать?.. / Понапрасну, стражник, скачешь, — / песни кружатся опять. / Жалят пчёлами, роятся, / отзываются в струне. / Где ж, мятежные, родятся? / В коей званьем сторо-не?.. / Золотое Скоморошье, / не отыщется село: / это песней скоморошьей / наше сердце процвело. / Песня! Лови ее! / Вот он — горох, / брызнул / по рытвинам / русских дорог! / Песня! Держи ее! / Горстью имай! / Русскую, / грустную, — / эх! — понимай! / Птицею, / облаком, / солнцем, / дождём... / Сладко ли, / горько — / мы переймём! Русь кабальная, сгори! / <...> Только эхом в лесах / отзывается страх, / только уханьем, гуканьем филина... / А смех отдаётся в соборных стенах, / а смехом гремит и село, и посад, / и речная излука-извилина! / Смех раззявил рты — / хоть святых выноси! / <...> Смех-владыка / идёт / по зелёной Руси!»³⁷.

И снова смех здесь противопоставляется парализующему силы Страху-Смерти. Снова вспоминаются слова В.Я. Проппа о том, что «смех есть магическое средство создания жизни»³⁸, что «смех сопровождает переход из смерти в жизнь», что «смех при убивании превращает смерть в новое рождение, уничтожает убийство. Тем самым этот смех есть акт благочестия, превращающий смерть в новое рождение»³⁹.

³⁵ Там же. С. 39–49.

³⁶ Горелов А.А. Скоморохи... С. 52–54.

³⁷ Там же. С. 56–59.

³⁸ Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). С. 237.

³⁹ Там же. С. 236.

Но история имеет свойство повторяться снова и снова. Наверно, поэтому такой невольной грустью звучат последние слова поэмы:

*«Хотел бы верить сказке, / которую сложил: / в расправах пыткой-встряс-
кой / не обрывают жил. / В Москве при Лобном месте / не видно скорбных тел... /
Хотел бы верить песне, которую пропел»⁴⁰.*

Таким образом, скоморохи в научном и литературном творчестве А. А. Горелова предстают перед нами, в первую очередь, именно как Жрецы Смеха и Правды, хранители сакральных знаний и общечеловеческих ценностей; руководители-организаторы-режиссеры обрядовых действий; профессиональные актеры, исполнители, сочинители; борцы против социальной несправедливости и сословного неравенства, «бродильный чан» революционных настроений; зримое воплощение стихии радости и воли, жизнеутверждающего, освобождающего от страха и от самой смерти смеха; корень и соль Жизни.

Может быть, именно многолетнее соприкосновение в духе со скоморошьей вольницей добавляло Александру Александровичу силы для жизни и борьбы, когда это было необходимо.

И хочется закончить статью словами С. Горина, вложенными в уста барона Мюнхаузена из известного кинофильма: ***Я понял, в чём ваша беда, господа — вы слишком серьёзны. Умное лицо — это ещё не признак ума. Все глупости на свете делаются именно с этим выражением лица. Так что улыбайтесь, господа, улыбайтесь...***

Литература

- Баканурский А. «Государь, вели извести их» // Наука и религия. 1985. № 7. С. 36–39.
Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975.
Белкин А. А. Социальное положение скоморохов к концу XV — первой половине XVI в. // Наука о театре. Л., 1975. С. 74–82.
Белоусов А. Ф. Отражение мифопоэтических представлений о певце/поэте в былинах о Вавиле и скоморохах // Учебный материал по теории литературы: Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. / Отв. ред. Т. М. Котнюх. Таллин, 1982. С. 63–65.
Беляева И. Д. О скоморохах // Временник имп. Московского общества истории и древностей российских. Кн. 20. М., 1854. С. 76.
Власова З. И. Скоморохи в памятниках письменности / Сост. З. И. Власова, Е. П. Фрэнсис (Гладких). СПб., 2007.
Власова З. И. Скоморохи и фольклор. СПб., 2001. 524 с.
Горелов А. А. О датировке оригинала сборника Кириши Данилова // Вестник Ленингр. гос. ун-та. 1958. № 20. Серия ист., яз. и лит.-ры. Вып. 4. С. 104–118.
Горелов А. А. В поисках легендарного Кириши Данилова: Книга пути: В 2 ч. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб., 2011. Ч. 1.

⁴⁰ Горелов А. Скоморохи. С. 60.

- Горелов А. А. Трилогия о Ермаке из сборника Кирши Данилова (полемиические заметки) // Русский фольклор. Т. 6. СПб., 1961. С. 344–376.
- Горелов А. А. «Диффузия элементов устнопоэтической техники в Сборнике Кирши Данилова // Русский фольклор. Т. 14. СПб., 1974. С. 166–201.
- Горелов А. А. «Кирша Данилов — реальное историческое лицо» // Русский фольклор. Т. 28. СПб., 1995. С. 97–110.
- Горелов А. А. Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения» // Русский фольклор. Т. 7. СПб., 1962. С. 293–312.
- Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л., 1988.
- Горелов А. А. Скоморохи: поэма // Звезда. 1989. № 8. С. 3–12.
- Горелов А. А. Скоморохи: поэма. СПб., 2004.
- Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2000.
- Зимин А. А. Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI в. // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков. М.; Л., 1959.
- Ивлева Л. М. Скоморошины: общие проблемы изучения // Славянский фольклор. М. 1972. С. 110–124.
- Кошелев В. В. В церкви образа, а в келье гудочник // Язычество восточных славян: Сб. науч. тр. Л., 1990. С. 88–97.
- Лесков Н. С. Скоморох Памфалон. Собр. соч. Т. 8. С. 174–231.
- Лихачев Д. С. Возможный случай скрытой полемики фольклорного произведения с книжным / Д. С. Лихачев // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков: Сборник / Отв. ред. С. В. Касторский. М.; Л., 1959. С. 335–336.
- Миллер В. Ф. Русская былина, ее слагатели и исполнители // Очерки русской народной словесности / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2015. С. 51–110.
- Морозов А. А. К вопросу об исторической роли и значении скоморохов // Русский фольклор. Т. 16. Л., 1976. С. 35–67.
- Морозов А. А. М. Д. Кривополенова и наследие скоморохов // Кривополенова М. Д. Былины, скоморошины, сказки. Архангельск, 1950.
- Морозов А. А. Скоморохи на севере // Север: альм. Архангельского отд. Союза сов. писателей. Архангельск, 1946. С. 211.
- Панченко А. М. Роль скоморохов в культуре Древней Руси // Славянские литературы. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. Киев, 1983. С. 376–384.
- Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
- Петухов В. И. Сведения о скоморохах в писцовых, переписных и таможенных книгах XVI–XVII вв. // Труды Московского гос. архивного ин-та. М., 1961. Т. 16. С. 409–419.
- Серегина Н. С. Сведения о музыкальном быте средневековой Руси по чину исповедания из рукописной книги «Требник» // Скоморохи: проблемы и перспективы изучения (К 140-летию со дня выхода первой работы о скоморохах). СПб., 1994. С. 124–138.
- Сказки и предания Самарского края / Собр. и зап. Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884. (Зап. РГО по Отд. этнографии. Т. 12).
- Тихонравов Н. С. Соч. Т. 1. Древняя русская литература. М., 1898.
- Топоров В. Н. К интерпретации былины «Путешествие Вавилы со скоморохами»: мифологические истоки и историческая подкладка // Балто-славянские исследования. М., 1984. С. 148–164.

Фаминцын А. С. Скоморохи на Руси. СПб., 1889.

Фрэнсис Е. П. Скоморохи и церковь // Скоморохи в памятниках письменности / Сост. З. И. Власова, Е. П. Фрэнсис (Гладких). СПб., 2007. С. 463–477.

Шентаев Л. С. Русское скоморошество в XVII в. // «Ученые записки Уральского гос. университета». Вып. 6, филологический. Свердловск, 1949. С. 59.

References

Bakanurskij A. Gosudar', veli veli izvesti ih // Nauka i religia. 1985. № 7. S. 36–39.

Bel'aeva I. D. O skomorohah // Vremennik imp. Moskovskogo obschestva istorii i drevnostej rossijskikh. Kn. 20. M., 1854. S. 76.

Belkin A. A. Russkie skomorohi. M., 1975.

Belkin A. A. Social'noe polozhenie skomorohov k koncu XV — pervoj polovine XVI v. // Nauka o teatre. L., 1975. S. 74–82.

Belousov A. F. Otrazhenie mifopoeticheskikh predstavlenij o pevce/poete v byline o Vavile i skomorohah // Uchebnyj material po teorii literatury: Literaturnyj process i razvitie russkoj kul'tury XVIII–XX vv. / Otv. red. T. M. Kotn'uh. Tallin, 1982. S. 63–65.

Drevnie rossijskie stihotvorenija, sobrannye Kirsheju Danilovym / Pod red. A. A. Gorelova. SPb., 2000.

Gorelov A. A. Diffuzija elementov ustnopoeticheskoi tehniki v Sbornike Kirshi Danilova // Russkij fol'klor. T. 14. SPb., 1974. S. 166–201.

Gorelov A. A. Kem byl avtor sbornika “Drevnie rossijskie stihotvorenija” // Russkij fol'klor. T. 7. SPb., 1962. S. 293–312.

Gorelov A. A. Kirsha Danilov — real'noe istoricheskoe lico // Russkij fol'klor. T. 28. SPb., 1995. S. 97–110.

Gorelov A. A. N. S. Leskov i narodnaja kul'tura. L., 1988. S. 275–276.

Gorelov A. A. O datirovke originala sbornika Kirshi Danilova // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 1958. № 20. Serija istorii, jazyka i literatury. Vyp. 4. S. 104–118.

Gorelov A. A. Skomorohi: poema // Zvezda. 1989. № 8. S. 3–12.

Gorelov A. A. Skomorohi: poema. SPb., 2004.

Gorelov A. A. Trilogija o Ermake iz sbornika Kirshi Danilova (polemicheskie zametki) // Russkij fol'klor. T. 6. SPb., 1961. S. 344–376.

Gorelov A. A. V poiskah legendarnjgo Kirshi Danilova: Kniga puti: V 2 ch. / RAN. Institut russkoj literatury (Pushkinskij Dom). SPb., 2011. Ch. 1.

Ivleva L. M. Skomoroshiny: obščie problemy izučenija // Slav'anskij fol'klor. M. 1972. S. 110–124.

Koshelev V. V. V cerkvi obraza, a v kel'e gudochnik // Jazyčestvo vostočnyh slav'an: Sb. nauch. tr. L., 1990. S. 88–97.

Leskov N. S. Skomoroh Pamfalon. Sobraniesochinenij. T. 8. S. 174–231.

Lihach'ov D. S. Vozmožnyj slučaj skrytoj polemiki fol'klornogo proizvedenija s knižnym / D. S. Lihachev // Iz istorii russkikh literaturnykh otnošenij XVIII–XX vv.: Sbornik / Otv. red. S. V. Kastorskij. M.; L., 1959. S. 335–336.

Miller V. F. Russkaja bylina, ejo slagateli i ispolniteli // Očerki russkoj narodnoj slovesnosti / Otv. red. O. A. Platonov. M., 2015. S. 51–110.

Morošov A. A. K voprosu ob istoričeskoi roli i značenii skomorohov // Russkij fol'klor. T. 16. L., 1976. S. 35–67.

- Morozov A.A.* M.D. Krivopolenova i nasledie skomorohov // Krivopolenova M.D. Byliny, skomoroshiny, skazki. Arhangel'sk, 1950.
- Morozov A.A.* Skomorohi na severe // Sever: Al'manah. Arhangel'sk, 1946. S. 211.
- Panchenko A.M.* Rol' skomorohov v kul'ture Drevnej Rusi // Slav'anskie literatury. IX Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Doklady soverskoj delegacii. M., 1983.
- Panchenko A.M.* Russkaja kul'tura v kanun petrovskih reform. L., 1984. S. 376–384.
- Petuhov V.I.* Svedenija o skomorohah v piscovyh i tamozhennyh knigah XVI–XVII vv. // Trudy Moskovskogo gos. Arhivnogo in-ta. M., 1961. T. 16. S. 409–419.
- Seregina N.S.* Svedenija o muzykal'nom byte srednevekovoj Rusi po chinu ispovedanija iz rukopisnoj knigi "Trebnik" // Skomorohi: problemy i perspektivy izuchenija (K 140-letiju so dn'a vyhoda pervoj raboty o skomorohah). SPb., 1994. S. 124–138.
- Skazki i predanija Samarskogo kraja / Sobr. i zap. D.N. Sadovnikovym. SPb., 1884. (Zap. RGO po Otd. Etnografii. T. 12).
- Tihonravov N.S.* Soch. T. 1. Drevn'aja russkaja literatura. M., 1898.
- Toporov V.N.* K interpretacii byliny "Puteshestvie Vavily so skomorohami": mifologicheskie istoki i istoricheskaja podkladka // Balto-slav'anskie issledovanija. M., 1984. S. 148–164.
- Famincin A.S.* Skomorohi na Rusi. SPb., 1889.
- Frensis E.P.* Skomorohi i cerkov' // Skomorohi v pam'atnikah pis'mennosti / Sost. Z.I. Vlasova, E. P. Frensis (Gladkih). SPb., 2007. S. 463–477.
- Sheptaev L.S.* Russkoe skomoroshestvo v XVII v. // «Uchenye zapiski Ural'skogo gos. universiteta». Vyp. 6, filologicheskij. Sverdlovsk, 1949. S. 59.
- Vlasova Z.I.* Skomorohi I fol'klor. SPb., 2001. 524 s.
- Vlasova Z.I.* Skomorohi v pam'atnikah pis'mennosti / Sost. Z.I. Vlasova, E. P. Frensis (Gladkih). SPb., 2007.
- Zimin A.A.* Skomorohi v pam'atnikah publicistiki i narodnogo tvorcestva XVI v. // Iz istorii russkih literaturnyh otnoshenij XVIII–XX vekov. M.; L., 1959.